

БИБЛИОТЕКА

РАБОТА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.А.СУПАТАЕВА «К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА К ПРАВУ: ОЧЕРКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ» (М.: «ЮРЛИТИНФОРМ», 2012. 143 С.)

Рецензируемая монография отражает давно назревшую потребность в расширении «угла зрения» на право, рассмотрении последнего сквозь призму факторов социокультурного характера, вне связи с которыми подчас нельзя объяснить природу многих правовых явлений. Такая потребность возникла еще в советское время в связи с вовлечением в сферу отечественных исследований правовых систем стран и регионов Африки, а также Востока, имевших во многом существенно иные, чем в Европе культурно-цивилизационные основы. Их изучение требовало выхода за рамки «марксистско-ленинского» (читай: позитивистского) подхода к праву, использования методологии, основанной на цивилизационном, или культурно-историческом подходе. Тем самым было положено начало новой методологии правовых исследований, процесс становления которой не завершен и по сей день.

В этих условиях выход в свет монографии М.А. Супатаева весьма своевременен. Это не первая его работа такого рода (1). С позиций цивилизационного подхода автор исследует права человека и правовые системы стран и регионов, существенно различающихся по своим социокультурным характеристикам. Большинству из них присущ традиционный «пласт» правовой культуры.

Весьма своеобразна структура монографии. Автор определяет в предисловии ее отдельные главы как очерки, которые, с одной стороны, могут восприниматься в качестве самостоятельных произведений, с другой, формируют целое, в котором содержатся ответы на поставленные проблемы. При этом три из пяти глав работы подразделяются на более мелкие структурные части, не имеющие, однако, ни названия параграфов, ни соответствующей нумерации. Мы условно будем называть их параграфами.

Автор отдает себе отчет в том, что масштабность и недостаточная изученность исследуемых проблем позволяют лишь схематично обозначить некоторые контуры авторской позиции по заявленной теме, которую он считает «во многом спорной и неоднозначной» (с. 96). Не удивительно, что вопросы методологии выдвигаются здесь на первый план. Уже в Предисловии автор пишет, что «право в самом широком смысле, с точки зрения общественного содержания

(природы), можно оценивать как право постольку, поскольку оно удовлетворяет культуре и культурным потребностям общества... Вместе с тем понимание права как явления культуры вовсе не исключает собственно юридической характеристики права, специфических критериев, позволяющих выявить из общей массы культурных явлений юридическое» (с. 8). При таком подходе ключевое значение в данном исследовании приобретает понятие цивилизации, теоретические предпосылки теории которой, по мнению автора, неоднозначны и постоянно нуждаются в корректировке через освоение новых объемов исторического материала (с. 96).

Цивилизация определяется в работе как «социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, то есть сверхлокальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах права, искусстве» и др. Основой локальной цивилизации могут быть не только та или иная мировая религия, но и универсалистская идеология (например, конфуцианство в традиционном Китае), если она выступает заменителем религии, или даже право (как в исламских странах) (с. 8–9).

Первая глава монографии посвящена цивилизационному измерению прав человека и состоит из двух параграфов. В первом из них — «Права человека и цивилизация» — красной нитью проходит мысль, что права человека существуют не сами по себе, а в цивилизациях и культурах, «носителем» которых прежде всего выступает сам человек.

Автор с сожалением отмечает, что понятие культуры, особенно в юридической науке, нередко трактуется весьма односторонне — как общечеловеческая культура, к тому же сводимая к западной цивилизации и ее достижениям (с. 14). Он опровергает такой подход, обосновывая тезис, что локальные культуры характеризуют ощутимые институциональные отличия, особенно заметные применительно к восточным обществам (с. 21).

Вследствие игнорирования этих различий права человека нередко лишь фиксируются в национальных конституционных актах, не получая дальнейшего развития и оставаясь лишь знаковой инновацией в обществе, либо отбрасываются эндогенной средой и отторгаются от нее. «Среди юристов, — пишет он, — бывшая идеализация нормы права и роли права в утверждении прав человека по-прежнему вытесняется сомнениями, и они обращают взор на социокультурные (цивилизационные) основания прав человека, еще недавно считавшиеся “второстепенными”» (с. 21).

К западной правовой культуре автор относится весьма скептически. «Экономический человек, — пишет он, — с его ориентацией на получение путем рациональных действий наибольшей практической выгоды с наименьшими затратами сегодня исчерпал свою социальную нишу» (с. 20). Отсюда, по его мнению, «полное осуществление прав человека и на Западе в силу их формального характера, является, конечно же, целью утопической...» (с. 16).

Второй параграф главы называется «Универсалии и полиморфизм прав человека: текст, значение, смысл». Речь в нем идет о том, что дефиниции прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, международных

актах и национальных конституциях, слова и выражения, используемые в их текстах как языковых целостностях, суть феномен культуры (в том числе правовой культуры).

Как один из самых удивительных ее парадоксов автор рассматривает полисемантическую и подвижную природу языка, которым пользуются при определении прав человека.

Отталкиваясь от тезиса об отсутствии какого-либо научного обоснования так называемой универсальной модели прав человека, автор приходит к выводу, что западно-европейские стандарты прав человека во многих случаях могут быть правильно поняты не сами по себе, а по отношению к социокультурным (цивилизационным) особенностям той или иной страны или региона. Он приводит многочисленные примеры того, как трансформируются (или попросту отторгаются) те или иные «универсальные» положения о правах человека при столкновении с социокультурными условиями тех или иных стран Африки или Востока. «Единое понимание прав человека, — заключает он, — превратилось в проблему с развитием конкретных исследований культуры в социальной и юридической антропологии, этнопсихологии, этнолингвистике на фоне основательного знакомства представителей европейской культуры с культурами и цивилизациями иных эпох, стран, народов, регионов, с вовлечением иных культурных образцов в свой культурный репертуар» (с. 30).

Вторая глава монографии является по сути методологической и посвящена исследованию возможностей типологии и сравнительного исследования права по социокультурным (цивилизационным) основаниям. Глава написана в полемическом ключе, поскольку старые подходы здесь неприемлемы, а предлагаемые автором еще не получили всеобщей поддержки.

Автор отстаивает идею о необходимости разработки новых подходов в юридической компаративистике, философии и общей теории права к типологии и сравнительным исследованиям права, при которых право рассматривалось бы как социокультурное явление, неотъемлемый компонент любой цивилизации (с. 32). Он считает оправданным и возможным выделение цивилизации как критерия типологии правовых систем. Их многосторонний сравнительный анализ по социокультурным основаниям включает, по автору, сравнительное изучение правовых систем не только локальных цивилизаций, но и дифференциацию культур на этнические и национальные культуры, культурные ареалы и цивилизации. Последние типологически условно разделяются на западные и восточные. Сюда же включаются первичные цивилизации, или протоцивилизации Тропической Африки и регион Ибероамерики (с. 36).

В работе дается сравнительный анализ формационного (либерального и марксистского) и цивилизационного подходов к исследованию права. При этом отмечается, что если либерализм и марксизм берут за основу линейно-прогрессивную траекторию развития общества, прямое восхождение его от ступени к ступени, то теория цивилизаций, напротив, делает упор на признании циклично-генетических закономерностей общества и права в качестве фунда-

ментальных основ, присущих им в прошлом, настоящем и будущем. Эти закономерности считаются не отклонениями от нормы, а самой «нормой».

Отсюда автор делает методологически важный вывод, что главный метод кросс-культурных (межцивилизационных) исследований права состоит в «понимании», «вживании» или же герменевтике. Этот метод требует всестороннего знания культуры и общества, в условиях которого возникла и функционирует та или иная правовая система.

Наиболее крупная глава монографии — третья. Она называется «Опыт кросс-культурных (межцивилизационных) исследований права» и включает четыре условных параграфа, в каждом из которых с позиций цивилизационного подхода рассматриваются соответственно современное право африканских стран южнее Сахары, цивилизационные особенности индийского права, мусульманское право как определяющее начало исламской цивилизации, наконец, право и цивилизация Китая в процессе реформ.

В параграфе, посвященном Тропической Африке, автор отмечает, что принципиальная особенность стран региона состоит в необычайной слабости компонентов национального капиталистического уклада при сохранении в массовых формах компонентов традиционных структур. Итогом становится восприятие европейских правовых норм и институтов в большинстве случаев сквозь призму традиционного сознания и двух параллельных систем жизни — официальной и фактической, дополняемых внедрением в ряде регионов Африки исламской модели цивилизации и мусульманского права (Северная Нигерия, Мали, Гвинея и т.д.).

В очерке об индийском праве автор не поддерживает взгляд, согласно которому в индийском праве доминируют идеи и методы общего права и, соответственно, западная философия права в ее англосаксонском варианте. Ему ближе позиция индийского юриста Дж. Минаттура, рассматривающего индийское право как «смешанную» систему.

Дж. Минаттур выделяет в нем «три потока, сливающихся “воедино” и образующих правовую систему страны». Один из них — наиболее главный — поток общего права. Другой берет свое начало в религии (это нормы индуистского, мусульманского права, персональное право других религиозных общин: христиан, евреев, парсов и др.). Наконец, третий — это гражданское континентальное право. Сюда же вливается обычное право племенных обществ и других этнических общностей.

Дж. Минаттур подчеркивает, что хотя элементы гражданского права трудно угадываемы, но они пронизывают всю структуру индийского права.

М.А. Супатаев обосновывает справедливость позиции Дж. Минаттура с помощью примеров из индийского законодательства, а также индийской концепции господства права, понимаемого как верховенство Конституции, судебной реформы, связанной с введением «ньяя-панчаятов» — низших непрофессиональных судов по мелким гражданским и уголовным делам и т.д.

Индийскую национальную идею, обретенную страной несколько тысячелетий назад, М.А. Супатаев выражает емкой формулой, которая, по его мнению,

может быть положена в основу социокультурной (цивилизационной) характеристики индийского права, — многообразие в единстве (с. 62–63).

В разделе о мусульманском праве автор пишет, с одной стороны, о переживаемом сегодня своеобразном исламском «ренессансе», представляющем собой попытку «найти решение большинства современных проблем общественной и политической жизни не на путях западных моделей развития, а в исламе» (с. 63). С другой стороны, он видит связанные с этим проблемы, обусловленные слитностью в исламе религии, этики и права и невозможностью в силу этого взаимодействия ислама с другими культурами без придания им исламского характера.

М.А. Супатаев справедливо считает, что решение указанной проблемы требует от мусульманских правоведов выхода за пределы классических парадигм основных догматов ислама, отказа от главного тезиса фундаменталистов о неизменности мусульманского права с момента становления исламской цивилизации. Это позволило бы исламской нормативно-правовой традиции на равных сочетаться с европейскими правовыми стандартами и представлениями о справедливости.

Автор с сожалением отмечает, что решение задачи критического пересмотра мусульманского права сегодня потерпело полную неудачу из-за действий традиционалистских верхов в исламских странах.

Рассматривая вопрос о праве и цивилизации в Китае в процессе реформ, автор отмечает несоответствие китайской правовой традиции и представлений о роли права в китайском обществе европейским представлениям о праве и его социальной роли. Он объясняет это тем, что традиционная политическая и правовая культура Китая обусловлена самобытным характером китайской цивилизации, которая по своим субстанциональным основам является конфуцианской цивилизацией. Принципиальное значение имело то, что в земледельческой культуре Китая в течение четырех тысячелетий ключевым звеном общественного уклада был семейный уклад, при котором отсутствовало право частной собственности на землю, и коллективное начало преобладало над личностным. Община и само государство были созданы по модели семьи.

Следование правовой традиции, основанной на ценностях конфуцианства и господствующей в правосознании современного китайского общества, позволило политическому руководству страны при формировании и реализации правовой политики модернизации страны избежать соблазна «легкого скачка» в развитый капитализм посредством подготовки и принятия одних лишь так называемых правильных законов и кодификаций.

При этом все существенное, что вкладывалось в понятие «китайской специфики», включало в себя не только традиционные национальные ценности, но и сохранение за государством ведущей роли в регулировании рыночной экономики. Немаловажно в контексте нынешних российских проблем, что обращение руководства Китая к конфуцианской концепции «сяо канн» позволило результативно увязать при разработке и осуществлении правовой политики модернизации страны проблему гражданской нравственности с экономическими преобразованиями.

Глава 4 называется «К проблематике цивилизационного подхода к российскому праву» и разделяется на два параграфа. Первый из них называется «Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект)». Автор ставит вопрос: можно ли говорить об историческом существовании самостоятельной локальной российской цивилизации, а если да, то каково ее место в ряду основных мировых цивилизаций?

Он рассматривает поставленный вопрос сквозь призму понятия справедливости, понимаемой как «правда» и освященной нравственным идеалом православного учения. Отсюда, по его мнению, выражение ее не в категориях равенства, а, скорее, в категориях определенной иерархии нравственных ценностей, выразившейся в приоритете духовного над материальным, общезначимого, общегосударственного над индивидуальным (с. 88). Поэтому в качестве стержневой в дореволюционной России он рассматривает идеологию служения — государственного как специальной привилегии дворянства и общественного (для крестьянства, разночинцев и купечества), характерную также для общинного правосознания и общинного (обычного) права крестьян. На ее фоне свобода личности отходила на второй план перед свободой общества, народа, государства (с. 89).

Вместе с тем автор считает неправомерным применение понятия цивилизации к общественно-государственному устройству советской России (с. 90–91).

Вся драматичность, если не трагичность современного этапа развития России, состоит, по мнению М.А. Супатаева, в отсутствии в стране стабилизирующих цивилизационных (в том числе государственных и правовых) механизмов, способных прервать «резкую полярность социокультуры и законодательства» (с. 93). По мере их создания он видит необходимость нового осмысления свободы и справедливости как исходных начал права, в том числе на уровне его социокультурного (цивилизационного) обоснования (с. 96).

Второй параграф главы называется «Национальные интересы и законодательные приоритеты России (Северный Кавказ: факторы и перспективы)». Основополагающим в ней является тезис, что наряду с соблюдением и защитой прав человека одним из приоритетов правовой (законодательной) политики Российской Федерации является учет границ и перспектив национальных интересов России. Это объясняется тем, что гражданское общество в России находится в стадии становления, а этническое сознание пока еще остается сильнее, чем принадлежность к общему государству (с. 97–98).

Сквозь призму этих положений автор рассматривает ситуацию на Северном Кавказе, показывая ее уникальность в сравнении с другими регионами России, раскрывает несостоятельность национальной политики, разрабатываемой федеральным центром для Северного Кавказа.

Выход из ситуации он видит здесь в создании научной основы для политики правового плюрализма, предполагающей известное допущение действия наряду с законодательством норм обычного и мусульманского права. Ее совершенствованию будет способствовать активизация работы по дальнейшему изучению этно-правовой специфики народов Северного Кавказа, их правовых и культурных памятников.

В заключительной, пятой главе монографии — «Цивилизационное осмысление права: в контексте глобализации в модернизирующемся мире» — автор ставит вопрос: не сменила ли эпоха модерна эпоха более сложного и неоднозначного взаимодействия традиции и современности, при которой процесс ориентализации может сменить процесс модернизации? При этом, следуя Ш. Эйзенштадту, он рассматривает традицию не как дихотомное начало, противостоящее современности, а как именно специфику (самобытность), связанную с той или иной цивилизационной системой.

Он рассматривает варианты, или тенденции взаимодействия традиционности и модернизации.

Первая из них, определяемая, скорее, как традиционность против модернизации, чем модернизация против традиционности, представляется особенно опасной и, по сути, тупиковой. В качестве ее примера приводится исламский фундаментализм. Вторая тенденция представляет собой симбиоз прежнего достояния и заимствований, отражающий минимальное или регулируемое взаимодействие, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиций и современности, разведенных по разным социокультурным сферам. Следствием этого становится дуализм правовой и культурной сфер, как это случилось в странах Тропической Африки.

Наиболее перспективной автор считает третью тенденцию, представляющую собой синтез наследия и заимствований, использование традиций как предпосылки модернизации. Автор иллюстрирует ее примерами в рамках широкого географического и культурного ареала: от Китая, Японии, Индии до ряда стран Латинской Америки, России, стран Пиренейской Европы и т.д. Он приходит к выводу, что успешной модернизация права оказывается лишь на основе взаимной адаптации культурного наследия и заимствований, выработки того варианта и пути обновления права, который отвечает сложившимся формам социокультурного (цивилизационного) устройства общества (с. 127).

Ссылаясь на Г.Дж. Бермана, М.А. Супатаев заключает, что «всемирное» право как проявление мировой культуры «должно черпать свои материальные и духовные ресурсы не только в достижениях Запада и ценностях христианства, но также и других религий и культур».

Содержание бесспорно интересной монографии подтверждает высказанную М.А. Супатаевым оценку своей авторской позиции как спорной и неоднозначной (с. 96).

Думается, такая оценка обусловлена прежде всего необыкновенной широтой и неоднородностью предмета исследования. Поэтому едва ли бесспорно само название работы, когда проблематика цивилизационного подхода к праву уточняется после двоеточия — «очерки общей теории и практики». Можно согласиться с тем, что перед нами попытка разработки общей теории цивилизационного подхода к праву. Но что понимать под общей практикой такого подхода? И возможна ли она в условиях существенных социокультурных различий в характере исследуемых правовых систем?

Те же широта и неоднородность предмета исследования создают благоприятную почву для возможных упреков в адрес автора во фрагментарности изложения или недостаточной глубине исследования тех или иных проблем.

В этой связи представляется небесспорной позиция автора в вопросе о свободе и справедливости в российском праве. Спецификой понимания в России церкви как совокупности верующих, а не только клира, как на Западе, он объясняет «повышенное, пронзительное внимание во всей российской культуре и истории к коллективному субъекту — обществу, государству, другим общностям (церкви, семье)». Отсюда «свобода личности отходила на второй план перед свободой общества, народа, государства», а наиболее значимой ценностью в российской культуре была идея общественного служения высшему общественному и общественно-государственному идеалу, воспитанная православной традицией и нашедшая свое отражение и закрепление в праве (с. 89–90).

Такой подход представляется некой идеализацией, поскольку, во-первых, едва ли возможна свобода для общества и народа в условиях самодержавного государства, во-вторых, свобода для такого государства представляется нонсенсом (свобода — от народа? Свобода — от закона?), наконец, в-третьих, едва ли можно говорить о свободе, основанной на идее православия, если институт православной церкви есть элемент структуры самодержавного государства.

Представляется недостаточным авторское объяснение драматичности, если не трагичности нынешней ситуации в России отсутствием в стране стабилизирующих (в том числе государственных и правовых) механизмов, способных прервать перепады, скачки, резкую полярность социокультуры и законодательства (с. 93). Думается, все объясняется тем, что в отличие от Китая, избегавшего «легких скачков» к капитализму, Россия проигнорировала необходимость переходного периода от советского «социализма» к новому обществу. У нее нет такого стабилизатора, как конфуцианство в Китае. Поэтому «полярность социокультуры и законодательства» будет продолжаться здесь вплоть до формирования нового общества (и новой цивилизации).

Однако, оценивая работу в целом, следует признать ее новаторский характер, высокий научный уровень исследования, глубокую обоснованность основных авторских выводов и положений. Шаг, предпринятый М.А. Супатаевым, даст импульс дальнейшим исследованиям в этой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. например: *Супатаев М.А.* Обычное право в странах Восточной Африки. — М., 1984; его же: *Культурология и право (на материале стран Тропической Африки)*. — М., 1998; его же: *Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект)* // *Государство и право*. — 2010. — № 4.

Г.И. Муромцев,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН